

а просто достигавшихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ по-
мощью писательской дѣятельности»... Усомнившись же, онъ
сталъ наблюдать внимательнѣе жрецовъ этой вѣры и убѣ-
дился, что «почти всѣ они, эти писатели, были люди без-
нравственные и въ большинствѣ—люди плохіе, ничтожные
по характерамъ, много ниже тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ въ
моей прежней разгульной жизни, но самоувѣренные и до-
вольные собою»...

Гр. Толстой, очевидно, разумѣеть здѣсь конецъ 50-хъ,
начало 60-хъ и самые 60-е годы,—время, ознаменованное
въ исторіи нашихъ литературныхъ движеній особою полосою—
такъ называемымъ анти-эстетическимъ движеніемъ, начатымъ
съ легкой руки автора дисертаціи «эстетич. отношенія ис-
кусства къ дѣйствительности», надѣлавшой въ свое время
столько шума, и законченнымъ лишь въ 70-хъ годахъ, хотя
эхо его еще долго продолжало перекатываться и послѣ, по-
степенно замирая и окончательно замолкнувъ, кажется, лишь
къ открытію памятника Пушкину въ Москвѣ.

Кто-то вѣрно еще тогда, въ то бурное время, замѣтилъ,
что у насъ образовался новый литературный родъ — «ругна»,
въ которомъ нашли себѣ мѣста самые отборные образцы
«полемическихъ красотъ», до которыхъ только доходила тог-
дашняя передовая журналистка. *)

По странной, однако, случайности, въ арсеналѣ доводовъ
у тогдашнихъ отрицателей искусства, въ ихъ походѣ противъ
«красоты», нашлось одно вѣсское орудіе, противъ которого
защитники противуположного лагеря ничего не могли выста-
вить, и такъ какъ оно было направлено именно противъ
самаго слабаго ихъ мѣста, хуже всѣхъ укрѣпленаго, то

*) По выражению одного письма Тургенева, относящагося къ этому вре-
мени, желавшій стать во главѣ движенія прогрессистъ, чтобы разсчитывать на
усиѣхъ у молодежи, долженъ быть обладать хлесткимъ и забористымъ слогомъ,
умѣть «плеваться», «бить по мордѣ» и т. под.